

Чи Фэйжань не ожидал, что Жун Цзинь внезапно посмотрит в его сторону. И хотя тот был в темных очках, юноша отчетливо почувствовал, как их взгляды столкнулись.

Из-за той самой песни он и так чувствовал себя виноватым перед Жун Цзином, а теперь и вовсе на секунду оробел, почувствовав, как внутри все сжалось от неловкости.

Жун Цзинь заметил, как во взгляде красивого юноши — обычно мягком и кротком — промелькнуло легкое смятение. Выглядело это на редкость...

Киноимператор мысленно подобрал подходящее слово.

Мило.

Да, действительно мило.

На его губах заиграла легкая улыбка. То ли его позабавила реакция Чи Фэйжана, то ли он посмеялся над самим собой — надо же, напугал парня одним лишь взглядом.

Пока он оставался бесстрастным, все шло своим чередом, но эта мимолетная улыбка буквально взорвала толпу. Люди, до этого хоть как-то сдерживавшие эмоции, мгновенно сошли с ума. Холл наполнился оглушительным визгом, все лихорадочно вытаскивали телефоны, пытались поймать кадр. Все вокруг стало напоминать концерт — не хватало разве что светящихся плакатов да неоновых палочек.

Жун Цзинь, впрочем, тут же вернулся к делу. Он взял блокнот у стоявшего рядом сотрудника и снова склонился над ним, быстро расписываясь и совершенно не обращая внимания на поднявшийся вокруг переполох.

Кое-кто из стоявших рядом заметил, куда был направлен его взгляд, но из-за поднявшегося визга все быстро отвлеклись, и внимание толпы вновь сосредоточилось исключительно на кинозвезде.

Лишь Чан Хаоцин, безуспешно пытавшийся утихомирить людей, мысленно исходил на дерьмо:

«Улыбается он! Чего лыбишься, придурок?! Делать больше нечего, кроме как кокетничать на ровном месте?! И на кого уставился? На мальчишку! Хватит пялиться!»

Выругавшись, Чан Хаоцин все же не удержался и покосился на Чи Фэйжана.

Увидев юношу, он мысленно цокнул языком. Каков типаж! И под чьим же он крылом?

Черты лица безупречные, вид кроткий, скромный — сразу видно, послушный и покладистый мальчик. С таким работать — одно удовольствие.

Ну почему ему самому досталось это стихийное бедствие по имени Жун Цзинь?!

Тем временем «послушный и покладистый» Чи Фэйжань чувствовал себя в точности как напроказивший ребенок, которого родители поймали за руку.

Он инстинктивно отступил назад. К этому моменту из других отделов набежало еще больше сотрудников, так что юноша оказался оттеснен вглубь толпы, подальше от Жун Цзиня.

К несчастью, при его росте почти под метр восемьдесят скрыться было непросто. Пусть он и не возвышался над всеми исполином, как Жун Цзинь, но все равно был заметно выше большинства присутствующих, так что затеряться в толпе не получалось.

К счастью, Жун Цзинь больше не поднимал глаз, полностью сосредоточившись на автографах.

Охрана компании отреагировала оперативно. Секьюрити быстро перекрыли вход на этаж, отрезав путь новым охотникам за автографами.

Они уже собирались разогнать и тех, кто успел пробиться, но Жун Цзинь их остановил.

— Ладно вам, — спокойно произнес он. — Раз уж так вышло, подпишу всем, кто здесь, и пойдем.

Раз уж сам Киноимператор дал добро, спорить никто не стал. Один из охранников даже смущенно спросил:

— А... нам тоже можно автограф?

Жун Цзинь небрежно кивнул, чем несказанно обрадовал суровых мужчин.

Жун Цзинь расписывался быстро. Поскольку охрана подоспела вовремя и перекрыла поток, вскоре почти все желающие получили заветные росчерки пера.

И тут Чи Фэйжань снова столкнулся с ним взглядом.

Юноша отшатнулся. Прежнее чувство неловкости мгновенно вернулось.

Жун Цзинь сделал несколько шагов в его сторону и слегка покачал маркером, без слов предлагая автограф.

Чи Фэйжань оцепенел.

Его лицо мгновенно залило краской до самых кончиков ушей. Глядя снизу вверх на мужчину, который был выше его почти на целую голову, он с трудом выдавил:

— У меня... нет ничего с собой... на чем можно расписаться...

Из толпы тут же подсказали:

— Да прямо на куртке пиши! На футболке!

— Точно-точно!

Никто даже не подумал предложить парню вырвать листок из блокнота. Все понимали: автограф самого Жун Цзиня на каком-то дешевом клочке бумаги — это просто кошунство.

Жун Цзинь с интересом посмотрел на него:

— Куда писать?

В такой обстановке у Чи Фэйжана просто не хватило бы духу сказать «мне не нужно». Он обреченно вздохнул и послушно повернулся к актеру спиной.

Жун Цзинь непринужденно положил тяжелую ладонь ему на плечо и тихо спросил:

— Только подпись? Пожелание писать?

Чи Фэйжань растерялся.

«...»

Он ведь только что видел, как тот расписывался остальным. Никаких лишних вопросов там и в помине не было!

— Да... — едва слышно пролепетал Чи Фэйжань. Сгорая от смущения, он опустил голову и тут же почувствовал, как кончик маркера заскользил по ткани на лопатках.

Ощущение, честно говоря, было странным.

Немного щекотно, немного непривычно. Тепло чужой ладони на плече легко проникало сквозь ткань, заставляя Чи Фэйжання стоять не шевелясь, словно натянутая струна.

Поставив размашистую подпись, Жун Цзинь убрал руку. Его взгляд скользнул по обнажившемуся затылку наклонившегося парня — бледная кожа на шее заметно порозовела от прилившей крови.

Уши юноши и вовсе пылали пунцовым огнем.

Жун Цзинь мысленно хмыкнул. Надо же, какой стеснительный.

Поняв, что все закончилось, Чи Фэйжань развернулся и тихо произнес:

— Спасибо.

В ответ Жун Цзинь лишь негромко усмехнулся. Его низкий, бархатистый голос мгновенно вызвал у Фэйжання ассоциации с тем самым треком.

Тот сингл действительно безумно ему нравился. Вплоть до самой автокатастрофы в прошлой жизни он занимал почетное место в его личном плейлисте.

Пока в голове Чи Фэйжання царил сумбур, Жун Цзинь в окружении охраны уже покинул этаж.

Когда они вернулись в гримерку, стилист принялся без умолку извиняться перед Чи Фэйжанем за то, что бросил работу на полпути и убежал глазеть на звезду.

Ли Юань уже собирался высказать свое недовольство, но Чи Фэйжань мягко покачал головой:

— Все в порядке, образ почти завершен. Не стоит извиняться. Просто сделайте меня таким же красавцем в следующий раз.

Слова парня прозвучали так тепло и дружелюбно, что устыженный стилист тут же принялся бить себя в грудь, клянясь, что отныне каждый образ Чи Фэйжання будет безупречен.

Увидев, как легко юноша уладил недоразумение, Ли Юань промолчал.

В конце концов, ничего страшного не произошло, а приобрести союзника — дело полезное. Раз уж Чи Фэйжань сам умеет располагать к себе людей, зачем лезть и портить впечатление?

Тем временем Жун Цзинь уже сидел в автомобиле, по-прежнему едва заметно улыбаясь. Чан Хаоцин несколько раз косился на него через зеркало заднего вида и в конце концов спросил:

— И чему ты опять лыбишься?

Вместо ответа Жун Цзинь спросил:

— Тебе не кажется, что этот парень похож на меня?

Чан Хаоцин на мгновение опешил. Он быстро прокрутил в памяти недавние события. Единственным, кто удостоился особого внимания Жун Цзиня, был тот симпатичный новичок.

Ну точно, о нем речь. Будь парень обычным, этот нарцисс ни за что бы не стал сравнивать его с собой.

Но если подумать...

Чан Хаоцин припомнил черты юноши. А ведь и правда, сходство есть.

Пока он не задумывался об этом, сходство не бросалось в глаза, но теперь, присмотревшись, находил все больше общих черт.

Особенно в разрезе глаз и линии бровей сквозило какое-то неуловимое родство.

Просто их ауры различались кардинально: один — холодный и высокомерный, другой — мягкий и кроткий. Без прямого сопоставления заметить это было практически невозможно.

Что ж, видимо, все красивые люди в чем-то похожи, в то время как некрасивые оригинальны каждый по-своему.

Не успел Чан Хаоцин озвучить свои выводы, как Жун Цзинь самодовольно добавил:

— Такой же красавчик, как и я.

Чан Хаоцин завис.

Затем шумно выдохнул и с чувством произнес:

— Умоляю тебя, имей хоть каплю стыда.

Жун Цзинь искренне не понимал, что не так с его словами. Они действительно оба чертовски хороши собой, при чем тут стыд? Это же просто констатация факта.

Чан Хаоцин признавать этот факт отказался. Чтобы не потакать эгоцентризму своего подопечного, он поспешил перевести разговор на рабочие вопросы.

Быть агентом — тяжелый труд. Пару минут назад Чан Хаоцин завидовал менеджеру этого кроткого новичка.

А вот сам менеджер в данный момент пребывал в полнейшем замешательстве.

Ли Юань хмуро уставился на подопечного:

— Как это — отказываешься от всех?

Чи Фэйжань серьезно кивнул:

— Да, ни одну не возьму.

Юноша понимал, что ведет себя капризно. Но сегодняшняя встреча с Жун Цзинем превратила едва заметную тень сомнения в тяжелый камень, намертво перекрывший дыхание.

Пять композиций, которые он отобрал изначально, принадлежали известным исполнителям. Помимо хита Жун Цзиня, там были треки других состоявшихся звезд.

Выбирая их, Чи Фэйжань поначалу рассуждал так: эти песни уже принесли своим создателям славу, его каверы никак не навредят их карьере. А трек Жун Цзиня он просто обожал всей душой.

К тому же Жун Цзинь в первую очередь актер, стоящий на самой вершине шоу-бизнеса Китая, и одна успешная песня для его карьеры была не более чем приятным бонусом.

Все эти доводы казались логичными и разумными. Но сейчас Фэйжань понял, что не может переступить через себя. И плевать, что в этом мире никто и никогда не узнает правды о настоящих авторах этих хитов.

Заметив решимость на лице юноши, Ли Юань понял, что тот не шутит.

— Тебе кто-то успел что-то наговорить? — обеспокоенно спросил он.

Чи Фэйжань растерялся:

— О чем вы?

Судя по искренней растерянности, парень действительно был не в курсе закулисных сплетен. Ли Юань поспешил сменить тему:

— Тогда почему ты передумал?

Каждая из предложенных песен была настоящей жемчужиной. Не будь у Чи Фэйжана столь могущественного покровителя, ни одному новичку в индустрии и близко не позволили бы перебирать такой материал.

Чи Фэйжань, разумеется, не мог признаться, что не хочет воровать чужую интеллектуальную собственность. Но и назвать эти песни плохими у него язык не поворачивался.

Над ними трудились лучшие музыкальные продюсеры страны. Он искренне восхищался этими шедеврами и не желал очернять чужой труд ложной критикой.

Лихорадочно соображая, юноша наконец нашел спасительный предлог:

— Я хочу писать песни сам!

Ли Юань лишился дара речи.

Глядя на решительное выражение лица подопечного, менеджер подавил тяжелый вздох и выдавил благожелательную улыбку:

— Стремление к творчеству — это, конечно, прекрасно...

Он знал, что Чи Фэйжань учился музыке. Желание молодого и амбициозного парня заявить о себе как об авторе было вполне понятным.

Но главное — перед ним стоял не просто дебютант, а юный наследник огромной империи.

Ли Юань считался его менеджером, но сам генеральный директор лично проинструктировал его: любые начинания Чи Фэйжана, если они не нарушают закон, должны беспрекословно поддерживаться.

Дословно наказ большого босса — Чи Цзюня — звучал так:

«Все, что можно исполнить, исполняй. А то, что исполнить нельзя...»

Тогда он сделал весомую паузу и добавил:

«...из кожи вон лезь, но создай условия и все равно исполни».

Раз уж правила игры были таковы, отказ от готовых хитов ради собственного сочинительства казался безобидным капризом. Ли Юань просто не имел права перечить.

Конечно, при мысли об упущенных шедеврах его сердце обливалось кровью, но внешне он ничем себя не выдал. Менеджер подбодрил юношу мягкой улыбкой:

— Что ж, тогда я с нетерпением буду ждать твоих собственных песен.

Чи Фэйжань облегченно выдохнул и наконец искренне улыбнулся:

— Договорились!

<http://bllate.org/book/18265/1751761>